ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)

2026-2027 учебный год

возрастная группа (10 класс)

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста – прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа **Надежды Тэффи «Концерт»**, приняв во внимание важнейшие аспекты его художественной организации: проблематика, система персонажей, своеобразие деталей и речевых характеристик, композиционные особенности, роль диалога и др.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Надежда Тэффи

КОНЦЕРТ

Начинающий поэт Николай Котомко сильно волновался: первый раз в жизни он был приглашен участвовать в благотворительном концерте. Дело, положим, не обошлось без протекции: концерт устраивало общество охранения аптекарских учеников от никотина, а Котомко жил в комнате у вдовы Марухиной, хорошо знавшей двух помощников провизора.

Словом, были нажаты какие-то пружины, дернуты соответствующие нити, и вот юный, только что приехавший из провинции Котомко получил возможность показать столичной публике свое задумчивое лицо.

Пришедший приглашать его мрачный бородач нагнал страху немало.

– Концерт у нас будет, понимаете ли, блестящий. Выдающиеся таланты частных театров и пять тризвездочек. Понимаете, что это значит? Надеюсь, и вы нам окажете честь, тем более что и цель такая симпатичная!

Котомко обещал оказать честь и вплоть до концерта – ровно три недели – не знал себе покоя. Целые дни стоял он перед зеркалом, декламируя свои стихотворения. Охрип, похудел и почернел. По ночам спал плохо. Снилось, что стоит на эстраде, а стихи забыл, и будто публика кричит: «Бейте его, длинноносого!»

Просыпался в холодном поту, зажигал лампочку и снова зубрил.

Бородач заехал еще раз и сказал, что полиция разрешила Котомке прочесть два стихотворения:

Когда, весь погружаясь в мечтанья,

Юный корпус склоню я к тебе…

И второе:

Скажи, зачем с подобною тоскою,

С болезнью я гляжу порою на тебя…

Бородач обещал прислать карету, благодарил и просил не обмануть.

– А пуб-блики м-много будет? – заикаясь, прошептал Котомко.

– Почти все билеты распроданы.

В день концерта бледный и ослабевший поэт, чтобы как-нибудь не опоздать, с утра завился у парикмахера и съел два десятка сырых яиц, чтобы лучше звучал голос.

Вдова Марухина, особа бывалая, понимавшая кое-что в концертах, часто заглядывала к нему в комнату и давала советы.

– Часы не надели?

– У меня н-нет часов! – стучал зубами Котомко.

– И не надо! Часов никогда артисты к концерту не надевают. Публика начнет вас качать, часы выскочат и разобьются. Руки напудрили? Непременно надо.

У меня жила одна артистка, так она даже плечи пудрила. Вам, пожалуй, плечи-то и не надо. Не видно под сюртуком. А впрочем, если хотите, я вам дам пудры. С удовольствием. И вот еще совет: непременно улыбайтесь! Иначе публика очень скверно вас примет! Уж вот увидите!

Котомко слушал и холодел.

В пять часов, уже совершенно одетый, он сидел, растопыря напудренные руки, и шептал дрожащими губами:

Скажи, зачем с подобною тоскою…

В голове у него было пусто, в ушах звенело, в сердце тошнило.

«Зачем я все это затеял! – тосковал он. – Жил покойно… „с болезнью я гляжу“… жил покойно… нет, непременно подавай сюда славу… „с болезнью я порой“… Вот тебе и слава! „Юный корпус склоню я“… Опять не оттуда…»

Ждать пришлось очень долго. Хозяйка высказала даже мнение, что о нем позабыли и совсем не приедут. Котомко обрадовался и даже стал немножко поправляться, даже почувствовал аппетит, как вдруг, уже в четверть одиннадцатого, раздался громкий звонок и в комнату влетел маленький чернявый господинчик, в пальто и шапке.

– Где мадмазель Котомко? Где? Боже ж мой! – в каком-то отчаянии завопил он.

– Я… я… – лепетал поэт.

– Вы? Виноват… Я думал, что вы дама… ваше имя может сбить с толку… Ну, пусть. Я рад!

Он схватил поэта за руку и все с тем же отчаянием кричал:

– Ох, поймите, мы все за вас хватаемся! Как хватается человек за последнюю соломинку, когда у него нет больше соломы.

Он развел руками и огляделся кругом.

– Ну, понимаете, совершенно нет! Послали три кареты за артистами, – ни одна не вернулась. Я говорю, нужно было с них задаток взять, тогда бы вернулись, а Маркин еще спорит. Вы понимаете? Публика – сплошная невежда; воображает, что если концерт, так уж сейчас ей запоют и заиграют, и не понимает, что если пришел в концерт, так нужно подождать.

Ради Бога, едемте скорее! Там какой-то паршивый скрипач – и зачем такого приглашать, я говорю, – пять минут помахал смычком и домой уехал. Мы просим «бис», а он заявляет, что забыл побриться. Слышали вы подобное? Ну, где же ваши ноты, пора ехать.

– У меня нет нот! – растерялся Котомко. – Я не играю.

– Ну, там найдется кому сыграть, давайте только ноты!

Тут выскочила хозяйка и помогла делу. Ноты у нее нашлись: «Маленький Рубинштейн» – для игры в четыре руки.

Вышли на подъезд. Чернявый впереди, спотыкаясь и суетясь, за ним Котомко, как баран, покорный и завитой.

– Извините! Кареты у меня нет! Кареты так и не вернулись! Но если хотите, вы можете ехать на отдельном извозчике. Мы, конечно, возместим расходы.

Но Котомко боялся остаться один и сел с чернявым. Тот занимал его разговором.

– Боже, сколько хлопот! Еще за Буниным ехать. Вы не знаете, он в частных домах не поет?

– Н-не знаю… не замечал.

– Я недавно из провинции и, простите, в опере еще ни разу не был. Леонида Андреева на балалайке слышал. Очень недурно. Русская ширь степей… Степенная ширь. Потом обещал приехать Владимир Тихонов… этот, кажется, на рояле. Еще хотели мы Немировича-Данченка. Я к нему ездил, да он отказался петь. А вы часто в концертах поете?

– Я? – удивился Котомко… – Я никогда не пел.

– Ну, на этот-то раз уж не отвертитесь! Сегодня вам придется петь. Иначе вы нас так обидите, что Боже упаси!

Котомко чуть не плакал.

– Да я ведь стихи… В программе поставлено «Скажи, зачем» и «Когда весь погружаясь»… Я декламирую!

– Декла… а вы лучше спойте. Те же самые слова, только спойте. Публика это гораздо больше ценит. Ей-Богу. Зачем говорить, когда можно мелодично спеть?

Наконец приехали. Чернявый кубарем вывалился из саней. Котомко качался на ногах и стукнулся лбом о столбик подъезда.

– Шишка будет… Пусть! – подумал он уныло и даже не потер ушибленного места.

В артистической стоял дым коромыслом. Человек десять испуганных молодых людей и столько же обезумевших дам кричали друг на друга и носились как угорелые. Увидя Котомку, все кинулись к нему.

– Ах… Ну, вот уж один приехал. Раздевайтесь скорее! Публика с ума сходит. Был только один скрипач, а потом пришлось антракт сделать.

– Читайте подольше! Ради Бога, читайте подольше, а то вы нас погубите!..

– Сколько вы стихов прочтете?

– Два.

– На три четверти часа хватит?

– Н-нет… Минут шесть…

– Он нас погубит! Тогда читайте еще что-нибудь, другие стихи.

– Нельзя другие, – перекричал всех главный распорядитель. – Разрешено только два. Мы не желаем платить штраф!

Выскочил чернявый.

– Ну, так пусть читает только два, но очень медленно. Мадмазель Котомка… Простите, я все так… Читайте очень медленно, тяните слова, чтобы на полчаса хватило. Поймите, что мы как за соломинку!

За дверью раздался глухой рев и топот.

– Ой, пора! Тащите же его на эстраду! И вот Котомко перед публикой.

– Господи, помоги! Обещаю, что никогда…

– Начинайте же! – засвистел за его спиной голос чернявого.

Котомко открыл рот и жалобно заблеял:

– Когда весь погружаясь…

Медленней! Медленней! Не губите!– свистел шепот.

– Громче! – кричали в публике.

– Ю-ный, ко-о-орп-пу-ус…

– Громче! Громче! Браво!

Публика, видимо, веселилась. Задние ряды вскочили с мест, чтобы лучше видеть. Кто-то хохотал, истерически взвизгивая. Все как-то колыхались, шептались, отворачивались от сцены. Какая-то барышня в первом ряду запищала и выбежала вон.

– Скло-о-ню-у я ку те-е… – блеял Котомко.

Он сам был в ужасе. Глаза у него закатились, как у покойника, голова свесилась набок, и одна нога, неловко поставленная, дрожала отчетливо крупной дрожью. Он проныл оба стихотворения сразу и удалился под дикий рев и аплодисменты публики.

– Что вы наделали? – накинулся на него чернявый. – И четверти часа не прошло! Нужно было медленнее, а вы упрямы, как коровий бык-с! Идите теперь на «бис».

И Котомку вытолкнули второй раз на сцену. Теперь уж он знал, что делать. Встал сразу в ту же позу и начал:

– Ко-о-огда-а-а ве-е-есь…

Он почти не слышал своего голоса – такой вой стоял в зале. Люди качались от смеха, как больные, и стонали. Многие, убежав с мест, толпились в дверях и старались не смотреть на Котомку, чтобы хоть немножко успокоиться.

Чернявый встретил поэта с несколько сконфуженным лицом.

– Ну, теперь ничего себе. Главное, что публике понравилось.

Но в артистической все десять девиц и юношей предавались шумному отчаянию. Никто больше не приехал. Главные распорядители пошептались о чем-то и направились к Котомке, который стоял у стены, утирал мокрый лоб и дышал, как опоенная лошадь.

– Поверьте, господин поэт, нам очень стыдно, но мы принуждены просить вас прочесть еще что-нибудь. Иначе мы погибли! Только, пожалуйста, то же самое, а то нам придется платить из-за вас штраф.

Совершенно ничего не понимая, вылез Котомко третий раз на эстраду.

Кто-то в публике громко обрадовался:

– Га! Да он опять здесь! Ну, это я вам скажу…

– Странный народ! – подумал Котомко. – Совсем дикий. Если им что нравится – они хохочут. Покажи им «Сикстинскую мадонну», так они, наверное, лопнут от смеха!

Он кашлянул и начал:

– Ко-гда-а-а…

Вдруг из последних рядов поднялся высокий детина в телеграфской куртке и, воздев руки кверху, завопил зычным голосом:

– Если вы опять про свой корпус, то лучше честью предупредите, потому что это может кончиться для вас же плохо!

Но Котомко сам так выл, что даже не заметил телеграфного пафоса.

Котомке дали полтинник на извозчика. Он ехал и горько усмехался своим мыслям.

«Вот я теперь известность, любимец публики. А разве я счастлив? Разве окрылен? „Что слава? – яркая заплата на бедном рубище певца“. Я думал, что слава чувствуется как-то иначе. Или у меня просто нет никакого честолюбия?»

1906 г.

Выполните целостный анализ стихотворения **Александра Кушнера «Крапива, например, кому она нужна…»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности композиции, изобразительно-выразительных средств, своеобразие строфической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Александр Кушнер

КРАПИВА, НАПРИМЕР, КОМУ ОНА НУЖНА…

Крапива, например, кому она нужна,
Угрюмая трава, зачем ее так много?
И в роще, и в саду, и вот из-под бревна
Торчит, и даже здесь, у дачного порога,
И жжется, и еще ей нравится цвести –
Цветенье-то зачем ей желтое такое?
Есть чудные слова: наверное, прости,
Мне кажется, пойми, я вас побеспокоил?

Но слишком много зла, и мы не так добры,
Как хочется, мрачны, ревнивы и жестоки.
Должны быть где-то, друг Горацио, миры
Другие, без вражды и страшной подоплеки,
Свобода выбирать – нам сказано – нужна,
Чтоб душу мы свою спасли иль погубили.
Но как с крапивой быть, скажи, зачем она,
Или, не будь ее, мы б еще хуже были?
2013 г.

Творческое задание

Представьте, что вас пригласили в рабочую группу по подготовке телевизионного подкаста «Говорящие предметы русской классики». По сценарию программы историю, представленную в художественном тексте, будет рассказывать не главный герой или автор, а предмет. Напишите монолог вещи из любого произведения русской литературы 19 века. Она рассказывает о себе: как она попала к своему хозяину; что она «видела» и «слышала» в ключевых сценах; как она относится к герою; что она хотела бы изменить в его судьбе и т.д.

Ваша работа должна представлять собой цельный связный текст объемом примерно 150-160 слов.